

Октябрь 1917 года

Продолжение. Начало в «Вести Камчатка», № 7 от 08.03.2017.

История всегда находилась и, видимо, на нашем веку еще будет находиться под перекрестным воздействием политики и идеологии – в «артиллерийской вилке» обстрела властями, партиями, оппозиционными группировками и идейно-политическими течениями разной направленности, отдельными более или менее влиятельными идейно озабоченными активистами.

Существует расхожее мнение, что «история ничему не учит». Но еще Василий Ключевский в этом старом афоризме подчеркивал именно значение «школы»: «История – не учительница, а назидательница, наставница жизни; она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Еще ранее Гегель объяснял этот эффект особенностями каждой эпохи: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее». И тем не менее у истории как науки есть особая «педагогическая» миссия: учить общество в целом и каждого гражданина в отдельности здравому, взрослому отношению к идеям и информации – критике и рефлексии. Человек, обученный правильному обращению с информацией о прошлом, обретает способность так же правильно обращаться с любой информацией и с любыми толкованиями, будь то в политике или в жизни [Какое прошлое нужно будущему России. Доклад Вольного исторического общества. М.: Комитет гражданских инициатив – 2017. – С. 30].

Возможно, поэтому мы обращаемся к прошлому не из желания поставить оценку событиям Октября 1917 г. и их последствиям, а пытаюсь выяснить истинную картину произошедшего.

Основа всех исторических исследований – источники, в первую очередь – документы, отражающие суть происходящего. Однако оказывается, что и спустя сто лет многие важнейшие документы, касающиеся Октябрьской революции, все еще засекречены. От нас до сих пор скрывают (как это ни парадоксально звучит) реальные биографии самых пламенных революционеров – вождей Октября. Засекречены личные дела Надежды Крупской, Феликса Дзержинского и многих других участников Октября. В архиве политбюро до сих пор засекречены документы о Гохране (Государственное хранилище ценностей), куда складировались конфискованные сокровища империи, в том числе из разграбленных монастырей и церквей. В подразделе «Иностранная валюта и о вывозе за границу драгоценностей» есть коллекции документов о золотом фонде и о расходовании золотой валюты, о вывозе за границу драгоценных металлов. До сих пор под семью замками дело И. Д. Левина — о злоупотреблениях бывшего председателя правления Госбанка за границей. В сборнике документов «Кронштадтская трагедия» приводится выписка из протокола допроса Владимира Николаевича Таганцева. По этому делу был расстрелян Николай Гумилев. Документ из-за своей важности был послан Ленину. В опубликованном тексте документа почти что столетней давности подозрительной показалась одна цензурная выемка – многоточие. Вот что оказалось изъятим:

«ГОРЬКИЙ указывал мне имена и фамилии тех лиц, которые находятся в качестве осведомителей в Чрезвычайной комиссии, – Николая Рябушинского, одного из сыновей Саввы МОРОЗОВА, ГЕЛЬЦЕР, одной московской портнихи (известной) и известной модистки (фамилии забыл), б. лицеиста ЖЕРВЕЙ и одного из ВОНЛЯРЛЯРСКИХ. Этот список он назвал мне при обычном нашем разговоре». [Сборник документов о трагической судьбе донского казачества в революции и гражданской войне составлен по материалам ... Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2-х книгах. Кн. 2. – М.: РОССПЭН, 1999. – с. 461-462)]

Если люди из таких фамилий (не говоря уже о портнихах и модистках) работали на советскую власть, то она не могла не победить. Зачем это скрывать через сто лет после описываемых событий? Чего стыдиться? Или потомки Рябушинских и Морозовых обидятся? Ответа нет, зато изъятие в публикации документа налицо [Гостайна века. Леонид Максименков. – <http://www.kommersant.ru/doc/3187062>]. Но если отсутствие документов не позволяет нам воссоздать полную картину Октября

В условиях Первой мировой войны, политики проволочек, компромиссов, говорильни бездарного Временного правительства так и не была решена одна из основных задач буржуазной революции – аграрная реформа, наделение крестьян землей. Кроме того, власти продолжали вести непопулярную войну.

Итак, с апреля 1917 года нарастало недовольство правительственным курсом у солдатских масс российской армии, что лишало Временное правительство и его органы на местах важного инструмента власти. Фактором, определившим реальное развитие исторических событий, начиная с конца октября 1917 года, стала армия, точнее, солдатские массы, позволившие увлечь себя антивоенными лозунгами леворадикалов. Если до октября исход противоборства в послефевральских событиях 1917 года демократической и антидемократической тенденций был неясен, то активное и широкомасштабное «включение» большевиками армии в политическую жизнь страны, своекорыстное использование ими антивоенных настроений солдатских масс изменили вектор развития российского государства [Фельдман М. А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (Проблемы истории и историографии)

//Общественные науки и современность, № 5. – 2012. – С. 118]. Что же касается подготовки и проведения октябрьского переворота, анализ документов говорит о весьма сдержанной, по сути дела, незначительной поддержке его рабочими промышленностями России. Установленную в результате свержения Временного правительства власть у нас продолжают по доброй марксистской традиции именовать «диктатурой пролетариата» и внедрять этот миф в сознание подрастающего поколения [История России: начало XX – начало XXI века. 10 кл.: учебник / О.В. Волобуев, С.П. Карпачев, П.Н. Романов. – М., 2016. – С. 51].

.,1955. - С. 446-447] и чьи идеи на практике воплотил В. И. Ленин. Вот что об этом пишет доктор исторических наук А. В. Гринев: «Раз практически вся собственность сосредоточилась в руках государства, отчуждение работника от средств производства сохранилось. А последнее обстоятельство в любом обществе всегда имеет один закономерный результат: ту или иную форму эксплуатации. Она и существовала в Советской России, причем согласно данным современных экономистов, норма эксплуатации работника при «социализме» была в несколько раз выше, чем на капиталистическом Западе. В этом нет ничего удивительного: будучи единственным монопольным собственником государство (как любой собственник) стремилось свести затраты на рабочую силу к минимуму. В немалой степени этому способствовало отсутствие забастовочного движения в СССР. Более того, в отдельные периоды «социалистического строительства» (прежде всего в 1930-х гг.) можно говорить даже о сверхэксплуатации трудящихся, поскольку в результате варварского использования рабочей силы на «всенародных стройках», в колхозах и особенно в системе ГУЛАГа происходила ее невосполнимая утрата. Для обеспечения же психологической стабильности и «единства всего общества» советская пропагандистская машина едва ли не до последних дней обличала мещанство, накопительство, комфорт и тому подобное, стремясь сформировать запросы населения в рамках весьма ограниченных «разумных» (минимальных) потребностей». То же самое можно сказать и о власти привилегированного меньшинства, более известного у нас под названием «номенклатура». Перечень несоответствий «теоретического» и реального «социализма» можно легко продолжить. [Гринев А.В., Ирошников М.П. «Россия и социализм». – <http://li>

tresp.ru/chitat/ru/

[Г/grinyov-a-v/rossiya-i-socializm].

Из всего сказанного явственно вытекает вполне определенный вывод: в СССР десятилетиями существовал не социализм, а политаризм, на что совершенно справедливо указывает Ю. И. Семенов [Россия: Что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. – М., 1993. – С. 5-105]. То, что подобный строй сложился в нашей стране после Октября, разумеется, не случайно. Для этого имелись свои исторические предпосылки. Дело в том, что до середины XIX в. Россия являлась не столько феодальным обществом, как затверждено нами со школы, сколько политарным. «Россия не знала феодализма в подлинном смысле слова», - констатирует известный американский историк Ричард Пайс, сравнивая порядки, царившие в России и Западной Европе [Пайс Р. Три «почему» русской революции. – М., СПб., 1996, – С. 22]. Впрочем, об этом догадывались давно, и многие авторы писали о России как об «абсолютистском государстве с чертами восточной деспотии». С попытками объяснить «особый» путь России связана, например, и вновь входящая ныне в моду теория «евразийства». Но дело все же не в каком-то особом пути, а в политаризме. Политаризм (от греческого слова «политеа» – государство) представляет собой общественную систему (строй или формацию), которая складывается при доминировании верховной собственности государства на основные средства производства и личность непосредственного производителя [Гринев А.В., Ирошников М.П. Россия и политаризм // Вопросы истории. – 1998. – № 7. – С. 36-46. С. 194]. Государство в лице великого князя, царя, императора выступало верховным собственником земли, контролируя, раздавая или изымая земельные угодья и даже родовые вотчины (что особенно ярко проявилось в период опричнины). В этом не было ничего удивительного, поскольку вся совокупность природных, социальных и политических условий, в которых сформировалась и развивалась на протяжении веков российская экономика, требовала особого механизма концентрации, распределения и использования создаваемого в обществе прибавочного продукта. И таким механизмом, принудительно осуществлявшим накопление и вложение аккумулированных средств, выступало при Петре I государство, заводившее новые фабрики, осуществлявшее контроль за качеством производимой продукции, организацию внешней торговли и т.д. [Рязанов В.Т. Экономическое развитие России XIX – XX вв. – СПб: Наука, 1998. - С. 346-347]. Так, например, истинным хозяином частных заводов и фабрик в петровскую эпоху были не заводчики-капиталисты, а правительственная Мануфактур-коллегия, о чем прямо говорилось в ее регламенте [Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1723 – 1725. СПб: В тип. II Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1880. Т. VII. – № 4378. – С. 168]. Кстати, отсутствие конкуренции в условиях постоянного государственного заказа стало причиной низкого качества большей части производимой продукции. Так, в известном произведении «Москва и москвичи» В. Гиляровский рассказывает, как в Кимрах, известном в России центре производства обуви, поставщики давали огромные заказы на изготовление сапог с бумажными подметками: «И лазили по снегам балканским и кавказским солдаты в разорванных сапогах и гибли от простуды...» [Гиляровский В.А. Москва и москвичи. - http://aldebaran.ru/author/gilyarovskiy_vladimir/kniga_moskva_i_moskv

[ichi/](#) – С. 93]. Абсолютной властью государства – императора, объясняется та легкость, с какой Александр II продал Аляску США в 1867 году, полностью проигнорировав интересы населения колоний, Российско-Американской компании и общественное мнение внутри страны. Политаризм проявлялся и в таких характерных для русского общества чертах (особенно после петровских реформ), как огромная власть чиновничьего аппарата, бюрократизм, особенно разросшийся в XIX в. в связи расширением территории империи и усложнением социально-экономических отношений. Так, всего за 50 лет – с 1796 по 1847 год – численность чиновничества возросла в 4 раза, а за 60 лет (1796-1857) почти в 6 раз. При этом население России за этот же период увеличилось примерно в 2 раза (в 1796 году в Российской империи насчитывалось около 36 млн человек, а в 1851 году - 60 млн). Таким образом, государственный аппарат в первой половине XIX в. рос в три раза быстрее, чем само население [Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978. – С. 68-70]. Неудивительно, что наблюдательный французский путешественник Астольф де Кюстин писал о российской бюрократии: «Россией управляет класс чиновников... Из недр своих канцелярий эти невидимые деспоты, эти пигмеи-тираны безнаказанно угнетают страну» [Записки о России французского путешественника маркиза де Кюстина. – М., 1910; то же: М., 1990; Маркиз Астольф де Кюстин. Николаевская Россия].

Политарный способ производства неэффективен как экономическая система (исключение составляют периоды войн или выполнение задач вроде строительства Великой Китайской стены или покорение космоса, требующих колоссального напряжения сил всего общества). Можно ли посредством политаризма (или «социализма», как его любят у нас называть) достичь коммунистического общества, о чем толкуют представители многочисленных левых партий? Ответ может быть только один – нет. Политаризм обречен исторически: он не в состоянии выдержать длительного экономического соперничества, обеспечить более высокую, чем в современных западных обществах, производительность труда, не говоря уже об уровне жизни населения. Медленный дрейф советского общества в сторону рыночной экономики едва не оборвал путч ГКЧП, после подавления которого эволюция в этом направлении заметно ускорилась, хотя подлинной победы капитализма еще не наступило: государство продолжает сохранять незыблемые позиции во многих сферах экономики, не изжиты гигантские монополии, характерные для СССР и изменившие лишь своих владельцев, нерешенным до конца остается аграрный вопрос, не отрегулировано законодательство собственности, у политического руководства отсутствует четкая экономическая программа и видение перспектив развития общества, проводится ущербно-реставраторская (а не реформистская по сути) социально-экономическая и культурная политика [Гринев А.В., Ирошников М.П. «Россия и социализм» – <http://litresp.ru/chitat/ru/Г/grinyov-a-v/rossiya-i-socializm>].

Таким образом, управление в России почти инвариантно по отношению к самым

радикальным переменам в устройстве государства, что перевернувшие, казалось бы, все в жизни страны 1917-й и 1991-й годы базисных принципов этой самой модели русского управления отнюдь не поменяли.

Подводя общие итоги, можно выявить следующую закономерность российской истории: перед лицом суровой природы, стихийных и социальных бедствий, внешнего давления, военных и экономических неудач, грубых просчетов глав государства российское общество, будучи сложной самоорганизующейся системой, каждый раз выбирает политарный строй, как единственную пригодную для выживания в экстремальных условиях форму своего бытия. Российская элита также явно предпочитает политаризм как наиболее простой и действенный способ управления и изъятия у народа прибавочного продукта. Поэтому, несмотря на любые внешние или внутренние кризисы, политарная система России рано или поздно воссоздается вновь и государство опять берет в свои руки все сферы жизни общества, навязывая и диктуя свою волю.

Вся трагедия русской истории заключалась в том, что за века развития не выработался регулятор, отличающий произвол от свободы личности, которая ставит своим пределом свободу другого лица, другого человека. Разумеется, в конечном счете все решала в России самая высшая власть, даже в мелочах проявляя свое господство, не давая развернуться самостоятельности подданных. Но лишенный прав и законов народ приучался на примерах верховной власти всего добиваться силой волевого решения, силой прихоти, произвола, даже в тех случаях, когда он выступал против этой верховной власти [Санкт-Петербург: Российская империя против русского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 2007. – С. 476]. Самым печальным примером вышесказанного стали события Октября 1917 года, когда наивная вера в счастливое будущее страны фактически столкнула граждан Российской империи в патриотическом порыве. Только одна сторона считала, что этого можно достичь, лишь избавившись от тогдашней власти, а другая пыталась ее сохранить, исходя из той же любви к своей Отчизне. Огромные человеческие потери, события Гражданской войны, «белого» - «красного террора», «философские пароходы», ГУЛАГ, все это – трагедия расколотой страны, потерявшей в бессмысленной борьбе своих лучших сыновей и дочерей. Вместе с тем создание государством, благодаря безудержной эксплуатации (в том числе рабского труда заключенных «архипелага ГУЛАГ»), мощной советской индустрии позволило СССР выиграть тяжелейшую войну с Германией и ее сателлитами, а затем создать атомную бомбу и стать первой страной, запустившей спутник и человека в открытый космос во второй половине 1950 – начале 1960 годов. Конечно, вряд ли можно отрицать значительные (и одновременно относительные) успехи, достигнутые советским обществом в социально-культурной сфере. Так, например, по официальным сведениям, реальные доходы на душу населения выросли с 1940 по 1970 г. в 4 раза [Труд в СССР. – М., 1988. – С. 221-223]. Впрочем, учитывая изначально крайне низкий уровень благосостояния советских людей, норму эксплуатации и огромный объем природных ресурсов, которыми

располагала страна, добиться подобных цифр не составляло значительного труда. Полностью же выполнить свои социальные задачи и обещания советское государство так никогда не смогло (вспомним, к примеру, провал жилищной программы М. С. Горбачева). Парадокс заключался в том, что, несмотря на декларируемое внимание к социальной сфере, доля ресурсов для потребления в конечном общественном продукте СССР постоянно сокращалась [Смирнов В.С. Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. – 2002. – № 6. – С. 105].

Политаризм, или как его еще называют – «азиатский способ производства», удерживает страну веками в одном и том же состоянии, лишь изменяя ее внешний антураж. Подтвердить это легко, достаточно обратиться к российской классической литературе или просто вспомнить слова любимого внука Екатерины II, великого князя Александра Павловича, будущего императора: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон, все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов» [<http://russia.rin.ru/guide/2/3/3.html>].

Татьяна ВОРОБЬЕВА,

кандидат исторических наук,

доцент, зав. кафедрой экономических и социально-гуманитарных наук

Петропавловск-Камчатского филиала РАНХиГС